

Васька Красный. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Васька Красный. Максим Горький

Недавно в публичном доме одного из поволжских городов служил человек лет сорока, по имени Васька, по прозвищу Красный. Прозвище было дано ему за его ярко-рыжие волосы и толстое лицо цвета сырого мяса.

Толстогубый, с большими ушами, которые торчали на его черепе, как ручки на рукоятнике, он поражал жестоким выражением своих маленьких бесцветных глаз; они заплыли у него жиром, блестели, как льдины, и, несмотря на его сытую, мясистую фигуру, всегда взгляд его имел такое выражение, как будто этот человек был смертельно голоден. Невысокий и коренастый, он носил синий казакин, широкие суконные шаровары и ярко вычищенные сапоги с мелким набором. Рыжие волосы его вились кудрями, и, когда он надевал на голову свой щегольской картуз, они, выбиваясь из-под картуза кверху, ложились на окольш картуза, - тогда казалось, что на голове у Васьки надет красный венок.

Красным его звали товарищи, а девицы прозвали его Палачом, потому что он любил истязать их.

В городе было несколько высших учебных заведений, много молодёжи, поэтому дома терпимости составляли в нём целый квартал: длинную улицу и несколько переулков. Васька был известен во всех домах этого квартала, его имя наводило страх на девиц, и, когда они почему-нибудь ссорились и вздорили с хозяйкой, - хозяйка грозила им:

- Смотрите вы!.. Не выводите меня из терпения, - а то как позову я Ваську Красного!..

Иногда достаточно было одной этой угрозы, чтобы девицы усмирились и отказались от своих требований, порой вполне законных и справедливых, как, например, требование улучшения пищи или права уходить из дома на прогулку. А если одной угрозы оказывалось недостаточно для усмирения девиц, - хозяйка звала Ваську.

Он приходил медленной походкой человека, которому некуда было торопиться, запирался с хозяйкой в её комнате, и там хозяйка указывала ему подлежащих наказанию девиц.

Молча выслушав её жалобу, он кратко говорил ей:

- Ладно...

И шёл к девицам. Они бледнели и дрожали при нём, он это видел и наслаждался их страхом. Если сцена разыгрывалась в кухне, где девицы обедали и пили чай, - он долго стоял у дверей, глядя на них, молчаливый и неподвижный, как статуя, и моменты его неподвижности были не менее мучительны для девиц, как и те истязания, которым он подвергал их.

Посмотрев на них, он говорил равнодушным и сиплым голосом:

- Машка! Иди сюда...

- Василий Мироныч! - умоляюще говорила девушка. - Ты меня не тронь! Не тронь... тронешь - удавлюсь я...

- Иди, дура, верёвку дам! - равнодушно, без усмешки говорил Васька.

Он всегда добивался, чтобы виновные сами шли к нему.

- Карапул кричать буду... Стёкла выбью!.. - задыхаясь от страха, перечисляла девица всё, что она может сделать.

- Бей стёкла, - а я тебя заставлю жрать их! - говорит Васька.

И упрямая девица сдавалась, подходила к Палачу; если же она не хотела сделать этого, Васька сам шёл к ней, брал её за волосы и бросал на пол. Её же подруги,

Васька Красный. Максим Горький gorkimaxim.ru

а зачастую и единомышленницы, – связывали ей руки и ноги, завязывали рот, и тут же, на полу кухни и на глазах у них, виновную пороли. Если это была бойкая девица, которая могла и пожаловаться, её пороли толстым ремнём, чтобы не рассечь её кожу, и сквозь простыню, смоченную водой, чтоб на теле не оставалось кровоподтёков. Употребляли также длинные и тонкие мешочки, набитые песком и дресвой, – удар таким мешком по ягодицам причинял человеку тупую боль, и боль эта не проходила долго...

Впрочем, жестокость наказания зависела не столько от характера виновной, сколько от степени её вины и симпатии Васьки. Иногда он и смелых девиц порол без всяких предосторожностей и пощады; у него в кармане шаровар всегда лежала плётка о трёх концах на короткой дубовой рукоятке, отполированной частым употреблением. В ремни этой плётки была искусно вделана проволока, из которой на концах ремней образовывалась кисть. Первый же удар плётки просекал кожу до костей, и часто, для того, чтобы усилить боль, на иссечённую спину приклеивали горчичник или же клали тряпки, смоченные круто солёной водой.

Наказывая девиц, Васька никогда не злился, он был всегда одинаково молчалив, равнодушен, и глаза его не теряли выражения ненасытного голода, лишь порой он прищуривал их, отчего они становились остree...

Приёмы наказаний не ограничивались только этими, нет – Васька был неисчерпаемо разнообразен, и его изощрённость в деле истязания девиц возвышалась до творчества.

Например, в одном из заведений девица Вера Коптева была заподозрена гостем в краже у него пяти тысяч рублей. Гость этот, сибирский купец, заявил полиции, что он был в комнате Веры с нею и её подругой Сарой Шерман; последняя, посидев с ним около часа, ушла, а с Верой он оставался всю ночь и ушёл от неё пьяный.

Делу дан был законный ход; долго тянулось следствие: обе обвиняемые были подвергнуты предварительному заключению, судились и, по недостатку улик, были оправданы.

Возвратясь после суда к своей хозяйке, подруги снова попали под следствие; хозяйка была уверена, что кража – дело их рук, и желала получить свою долю.

Саре удалось доказать, что она не участвовала в этой краже; тогда хозяйка ревностно принялась за Веру Коптеву. Она заперла её в баню и там кормила солёной икрой, но, несмотря на это и многое другое, девица не сознавалась, где спрятала деньги. Пришлось прибегнуть к помощи Васьки.

Ему было обещано сто рублей, если он допытается, где деньги.

И вот однажды ночью в баню, где сидела Вера, мучимая жаждой, страхом и тьмой, явился дьявол.

Он был в чёрной лохматой шерсти, а от шерсти его исходил запах фосфора и голубоватый светящийся дым. Две огненные искры сверкали у него вместо глаз. Он встал перед девушкой и страшным голосом спросил её:

– Где деньги?..

Она сошла с ума от ужаса.

Это было зимой. Поутру другого дня её, босую и в одной рубашке, вели из бани в дом по глубокому снегу, она же тихонько смеялась и говорила счастливым голосом:

– Завтра я с мамой опять пойду к обедне... опять пойду... опять пойду к обедне...

Когда Сара Шерман увидела её такой, она тихо и растерянно объявила при всех:

– А ведь деньги-то украла я...

Трудно сказать, чего больше было у девиц в отношении к Ваське: страха перед ним или ненависти к нему.

Васька Красный. Максим Горький gorkimaxim.ru

Все они заигрывали с ним и заискивали у него, каждая из них усердно добивалась чести быть его любовницей, и в то же время все они подговаривали своих "кредитных" друзей сердца, гостей и знакомых "вышибал" избить Ваську. Но он обладал страшной силой и допьяна никогда не напивался - трудно было сладить с ним. Не раз ему подсыпали мышьяк в пищу, чай и пиво, и однажды довольно удачно, но он выздоровел. Он как-то узнавал обо всём, что предпринималось против него; но незаметно было, чтоб знание того, чем он рискует, живя среди бесчисленных врагов, понижало или повышало его холодную жестокость к девицам. Равнодушно, как всегда, он говорил:

- Знаю я, что вы меня зубами бы загрызли, кабы случай вышел вам... Ну, только напрасно вы яритесь... ничего со мной не будет.

И, оттопырив свои толстые губы, он фыркал в лица им, - должно быть, смеялся над ними.

Он водил компанию с полицейскими, с такими же, как сам он, "вышибалами" и с сыщиками, которых всегда много бывает в публичных домах. Но среди них у него не было друзей, ни одного из своих знакомых он не желал видеть чаще других, ко всем относился одинаково ровно и совершенно безучастно.

С ними он пил пиво и говорил о скандалах, каждую ночь случавшихся в околоске. Сам он никуда не ходил из своего дома, если его не звали "по делу", то есть за тем, чтоб выпороть или - как там говорилось "постращать" чью-нибудь девицу.

Дом, в котором он служил, принадлежал к числу заведений средней руки, за вход в него с гостем брали по три рубля, за ночь - по пяти. Хозяйка дома, Фёкла Ермолова, сырая, дородная женщина лет под пятьдесят, была глупа, зла, побаивалась Васьки, очень ценила его и платила ему по пятнадцати рублей в месяц при её столе и квартире - маленькой, гробообразной комнате на чердаке. В её заведении, благодаря Ваське, среди девиц царил самый образцовый порядок; их было одиннадцать, и все они были смирны, как овцы.

Находясь в добродушном настроении и разговаривая со знакомым гостем, Фёкла Ермолова часто хвасталась своими девицами, как хващаются свиньями или коровами.

- У меня товарец первый сорт, - говорила она, улыбаясь довольно и гордо. - Девочки все свежие, ядрёные - самая старшая имеет двадцать шесть лет. Она, положим, девица в разговоре неинтересная, так зато в каком теле! Вы посмотрите, батюшка, - дивное диво, а не девица. Ксюшка! Поди сюда...

Ксюшка подходила, уточкой переваливаясь с боку на бок, гость "смотрел" её более или менее тщательно и всегда оставался доволен её телом.

Это была девушка среднего роста, толстая и такая плотная - точно её молотками выковали. Грудь у неё могучая, высокая, лицо круглое, рот маленький с толстыми, ярко-красными губами. Безответные и ничего не выражавшие глаза напоминали о двух бусах на лице куклы, а курносый нос и кудельки над бровями, довершая её сходство с куклой, даже у самых невзыскательных гостей отбивали всякую охоту говорить с нею о чём-либо. Обыкновенно ей просто говорили:

- Пойдём!..

И она шла своей тяжёлой, качающейся походкой, бессмысленно улыбаясь и поводя глазами справа налево, чему её научила хозяйка и что называлось "завлекать гостя". Её глаза так привыкли к этому движению, что она начинала "завлекать гостя" прямо с того момента, когда, пышно разодетая, выходила вечером в зал, ещё пустой, и так её глаза двигались из стороны в сторону всё время, пока она была в зале: одна, с подругами или гостем - всё равно.

У неё была ещё одна странность: обвив свою длинную косу цвета нового мочала вокруг шеи, она опускала конец её на грудь и всё время держалась за неё левой рукой, - точно петлю носила на шее своей...

Она могла сообщить о себе, что зовут её Аксинья Калугина, а родом она из Рязанской губернии, что она девица, "согрешила" однажды с "Федькой", родила и приехала в этот город с семейством "акцизного", была у него кормилицей, а потом,

Васька Красный. Максим Горький gorkimaxim.ru
когда ребёнок умер, ей отказали от места и "наняли" сюда. Вот уже четыре года
она живёт здесь...

- Нравится? - спрашивали её.
- Ничего. Сыта, обута, одета... Только беспокойно вот... И Васька тоже... дерётся всё, чёрт...
- Зато весело?!
- Где? - спрашивала она, "завлекая гостя".
- Здесь-то... разве не весело?
- Ничего!.. - отвечала она и, поворачивая головой, осматривала зал, точно желая увидеть, где оно тут, это веселье?

Вокруг неё всё было пьяно и шумно и все - от хозяйки и подруг до формы трещин на потолке - было знакомо ей.

Говорила она густым, басовым голосом, а смеялась лишь тогда, когда её щекотали, смеялась громко, как здоровый мужик, и вся тряслась от смеха. Самая глупая и здоровая среди своих подруг, она была менее несчастна, чем они, ибо ближе их стояла к животному.

Разумеется, больше всего скопилось страха перед Васькой и ненависти к нему у девиц того дома, где он был "вышибалой". В пьяном виде девицы не скрывали этих чувств и громко жаловались гостям на Ваську; но, так как гости приходили к ним не затем, чтоб защищать их, жалобы не имели последствий. В тех же случаях, когда они возвышались до истерического крика и рыданий и Васька слышал их, - его огненная голова показывалась в дверях зала, и равнодушный, деревянный голос говорил:

- Эй ты, не дури...
- Палач! Изверг! - кричала девица. - Как ты смеешь уродовать меня? Посмотрите, господин, как он меня расписал плетью... - И девица делала попытку сорвать с себя лиф...

Тогда Васька подходил к ней, брал её за руку и, не изменяя голоса, что было особенно страшно, - уговаривал её:

- Не шуми... угомонись. Что орёшь без толку? Пьяная ты... смотри!

Почти всегда этого было достаточно, и очень редко Ваське приходилось уводить девицу из зала.

Никогда никто из девиц не слыхал от Васьки ни одного ласкового слова, хотя многие из них были его наложницами. Он брал их себе просто: нравилась ему почему-либо та или эта, и он говорил ей:

- Я к тебе сегодня ночевать приду...

Затем он ходил к ней некоторое время и переставал ходить, не говоря ей ни слова.

- Ну и чёрт! - отзывались о нём девицы. - Совсем деревянный какой-то...

В своём заведении он жил по очереди почти со всеми девицами, жил и с Аксиньей. И именно во время своей связи с ней он её однажды жестоко выпорол.

Здоровая и ленивая, она очень любила спать и часто засыпала в зале, несмотря на шум, наполнявший его. Сидя где-нибудь в углу, она вдруг переставала "завлекать гостя" своими глупыми глазами, они неподвижно останавливались на каком-нибудь предмете, потом веки медленно опускались и закрывали их и нижняя губа её отвисала, обнажая крупные, белые зубы. Раздавался сладкий храп, вызывая громкий смех подруг и гостей, но смех не будил Аксинью.

С ней часто случалось это; хозяйка крепко ругала её, била по щекам, но побои не

Васька Красный. Максим Горький gorkiymaxim.ru
спугивали сна: поплачет после них Аксинья и снова спит.

И вот за дело взялся Васька.

Однажды, когда девица заснула, сидя на диване рядом с пьяным гостем, тоже дремавшим, Васька подошёл к ней и, молча взяв за руку, повёл её за собой.

- Неужто бить будешь? - спросила его Аксинья.

- Надо... - сказал Васька.

Когда они пришли в кухню, он велел ей раздеться.

- Ты хоть не больно уж... - попросила его Аксинья.

- Ну, ну...

Она осталась в одной рубашке.

- Снимай! - скомандовал Васька.

- Экой ты озорник! - вздохнула девушка и спустила с себя рубашку.

Васька хлестнул её ремнём по плечам.

- Иди на двор!

- Что ты? Чай, теперь зима... холодно мне будет...

- Ладно! Разве ты можешь чувствовать?..

Он вытолкнул её в дверь кухни, провёл, подхлестывая ремнём, по сеням и на дворе приказал ей лечь на бугор снега.

- Вася... что ты?

- Ну, ну!

И, толкнув её лицом в снег, он втиснул в него её голову для того, чтобы не было слышно её криков, и долго хлестал её ремнём, приговаривая:

- Не дрыхни, не дрыхни, не дрыхни...

Когда же он отпустил её, она, дрожащая от холода и боли, сквозь слёзы и рыдания сказала ему:

- Погоди, Васька! Придёт твоё время... и ты заплачешь! Есть бог, Васька!

- Поговори! - спокойно сказал он. - Засни-ка в зале ещё раз! Я тебя тогда выведу на двор, выпорю и водой обливать буду...

У жизни есть своя мудрость, ей имя - случай; она иногда награждает нас, но чаще мстит, и как солнце каждому предмету дает тень, так мудрость жизни каждому поступку людей готовит возмездие. Это верно, это неизбежно, и всем нам надо знать и помнить это...

Наступил и для Васьки день возмездия.

Однажды вечером, когда полуодетые девицы ужинали перед тем, как идти в зал, одна из них, Лида Черногорова, бойкая и злая шатенка, взглянув в окно, объявила:

- Васька приехал.

Раздалось несколько тоскливых ругательств.

- Смотрите-ка! - вскричала Лида. - Он - пьяный! С полицейским... Смотрите-ка!

Все бросились к окну.

- Снимают его... девушки! - радостно вскричала Лида. - Да ведь он разбился, видно!

В кухне раздался гул ругательств и злого смеха - радостного смеха отомщённых. девицы, толкая друг друга, бросились в сени навстречу немощному врагу.

Там они увидали, что полицейский и извозчик ведут Ваську под руки, а лицо у Васьки серое, на лбу у него выступил крупными каплями пот и левая нога его волочится за ним.

- Василий Мироныч! Что это? - вскричала хозяйка. Васька бессильно мотнул головой и хрюпlo ответил:

- Упал...

- С конки упал... - объяснил полицейский. - Упал, и - значит, нога у него под колесо! Хрясть... ну и готово!

девицы молчали, но глаза у них горели, как угли.

Ваську внесли наверх в его комнату, положили на постель и послали за доктором. девицы, стоя перед постелью, переглядывались друг с другом, но не говорили ни слова.

- Пошли вон! - сказал им Васька.

Ни одна из них не тронулась с места.

- А! Радуетесь!..

- Не заплачем... - ответила Лида, усмехаясь.

- Хозяйка! Гони их прочь... что они... пришли!

- Боишься? - спросила Лида, наклоняясь к нему.

- Идите, девки, идите вниз... - приказывала хозяйка.

Они пошли. Но, уходя, каждая из них зловеще взглядала на него, - а Лида тихо сказала:

- Мы придём!

Аксинья же, погрозив ему кулаком, закричала:

- У, дьявол! Что - изломался? Так тебе и надо...

Очень изумила девиц её храбрость.

А внизу их охватил восторг злорадства, мстительный восторг, острую сладость которого они не испытывали еще. Беснуясь от радости, они издевались над Васькой, пугая хозяйку своим буйным настроением и немножко заражая её им.

И она тоже рада была видеть Ваську наказанным судьбой; он и ей солон был, обращаясь с нею не как служащий, а скорее как начальник с подчинённой. Но она знала, что без него не удержать ей девиц в повиновении, и проявляла свои чувства к Ваське осторожно.

Приехал доктор, наложил повязки, прописал рецепты и уехал, сказав хозяйке, что лучше бы отправить Ваську в больницу.

- Девицы! Что же, навестим, что ли, больного-то душеньку нашего?! ухарски вскричала Лида.

И все они бросились наверх со смехом и криками.

Васька лежал, закрыв глаза, и, не открывая их, сказал:

- Опять вы пришли...
- Чай, нам жалко тебя, Василь Мироныч...
- Разве мы тебя не любим?
- Вспомни, как ты меня...

Они говорили негромко, но внушительно и, окружив его постель, смотрели в его серое лицо злыми и радостными глазами. Он тоже смотрел на них, и никогда раньше в его глазах не выражалось так много неудовлетворённого, ненасытного голода, — того непонятного голода, который всегда блестел в них.

- Девки... смотрите! Встану я...
- А может, бог даст, не встанешь!.. — перебила его Лида.

Васька плотно сжал губы и замолчал.

- Которая ножка-то болит? — ласково спросила одна из девиц, наклоняясь к нему, — лицо у ней было бледно и зубы оскалены. — Эта, что ли?

И, схватив Ваську за больную ногу, она с силой дёрнула её к себе.

Васька щёлкнул зубами и зарычал. Левая рука у него тоже была разбита, он взмахнул правой и, желая ударить девицу, ударили себя по животу.

Взрыв смеха раздался вокруг него.

- Девки! — ревел он, страшно вращая глазами. — Берегись!.. Убивать буду!..

Но они прыгали вокруг его кровати и щипали, рвали его за волосы, плевали в лицо ему, дёргали за больную ногу. Их глаза горели, они смеялись, ругались, рычали, как собаки; их издевательства над ним принимали невыразимо гадкий и циничный характер. Они впали в упоение местью, дошли в ней до бешенства. Все в белом, полуодетые, разгорячённые толкотнёй, они были чудовищно страшны.

Васька рычал, размахивая правой рукой; хозяйка, стоя у двери, выла диким голосом:

- Будет! Бросьте... полицию позову! Убьёте вы... батюшки! ба-атюшки!

Но они не слушали её. Он истязал их года, — они возмечтали ему минутами и торопились...

Вдруг среди шума и воя этой оргии раздался густой, умоляющий голос:

- Девушки! Будет уж... Девушки, пожалейте... Ведь он тоже... тоже ведь... больно ему! Милые! Христа ради... Милые...

На девиц этот голос подействовал, как струя холодной воды: они испуганно и быстро отошли от Васьки.

Говорила Аксинья; она стояла у окна и вся дрожала и в пояс кланялась им, то прижимая руки к животу, то нелепо простирая их вперёд.

Васька лежал неподвижно; рубашка на его груди была разорвана, и эта широкая грудь, поросшая густой рыжей шерстью, вся трепетала, точно в ней билось что-то, билось, бешено стремясь вырваться из неё. Он хрюпал, и глаза его были закрыты.

Столпившись в кучу, как бы слепленные в одно большое тело, девицы стояли у дверей и молчали, слушая, как Аксинья глухо бормочет что-то и как хрюпит Васька. Лида, стоя впереди всех, быстро очищала свою правую руку от рыжих волос, запутавшихся между её пальцами.

- А — как умрёт? — раздался чей-то шёпот. И снова стало тихо...

Васька Красный. Максим Горький gorkiумаксим.ru
Одна за другой, стараясь не шуметь, девицы осторожно выходили из Васькиной комнаты, и, когда они все ушли, на полу комнаты оказалось много каких-то ключей, лоскутков...

В комнате осталась Аксинья.

Тяжело вздыхая, она подошла к Ваське и обычным своим басовым голосом спросила его:

- Что тебе сделать теперь?

Он открыл глаза, посмотрел на неё и не ответил ничего.

- Ну, говори уж... выпить... прибрать... так вот я прибрала бы... А то, может, воды выпить хочешь? И воды дам...

Васька молча тряхнул головой, и губы у него зашевелились. Но он не сказал ни слова.

- Вон как - и говорить-то не можешь! - молвила Аксинья, обёртывая косу вокруг шеи. - До чего замучили мы тебя... Больно, Вася? а?.. Ну, уж потерпи... ведь это пройдёт... это сперва только больно... я знаю!

На лице Васьки что-то дрогнуло, он хрипло сказал:

- Дай... водицы...

И выражение неудовлетворённого голода исчезло из его глаз.

Аксинья так и осталась наверху у Васьки, спускаясь вниз лишь затем, чтобы поесть, попить чаю и взять чего-нибудь для больного. Подруги не разговаривали с ней, ни о чём не спрашивали её, хозяйка тоже не мешала ей ухаживать за больным и вечерами не вызывала её к гостям. Обыкновенно Аксинья сидела в Васькиной комнате у окна и смотрела в него на крыши, покрытые снегом, на деревья, белые от инея, на дым, опаловыми облаками поднимавшийся к небу. Когда ей надоедало смотреть, она засыпала тут же на стуле, облокотясь о стол. Ночью она спала на полу около Васькиной кровати.

Они почти не разговаривали; попросит Васька воды или ещё чего-нибудь, - Аксинья принесёт ему, посмотрит на него, вздохнёт и отойдёт к окну.

Так прошло дня четыре. Хозяйка усердно хлопотала о помещении Васьки в больницу, но места там пока не было.

И вот однажды вечером, когда Васькина комната уже наполнилась сумраком, он, приподняв голову, спросил:

- Аксинья, ты тут, что ли?

Она дремала, но его вопрос разбудил её.

- А где же? - отозвалась она.

- Поди-ка сюда...

Она подошла к кровати и остановилась у неё, по обыкновению обвив косу вокруг шеи и держась рукой за конец её.

- Чего тебе?

- Возьми стул, сядь сюда...

Вздохнув, она пошла к окну за стулом, принесла его к постели и села.

- Ну?

- Ничего... посиди тут...

Васька Красный. Максим Горький gorki.umaxim.ru
На стене, над постелью Васьки, висели его большие серебряные часы и торопливо
тикали. По улице быстро пролетел извозчик, слышно было, как взвизгнули полозья.
Внизу смеялись девицы, а одна из них высоким голосом пела:

Па-алюбила студента га-алодна-ва...

- Аксинья! - сказал Васька.

- А?

- Ты вот что... давай со мной жить!

- Живём ведь, - лениво ответила девушка.

- Нет, ты погоди... давай как следует!..

- Давай... - согласилась она.

Он замолчал и долго лежал с закрытыми глазами.

- Вот... уйдём отсюда и заживём.

- Куда уйдём? - спросила Аксинья.

- Куда-нибудь... я буду с конки заувечье искать... Заплатят, по закону должны
заплатить. Потом, у меня свои деньги есть, рублей шестьсот.

- Сколько? - спросила Аксинья.

- Рублей шестьсот.

- Ишь ты! - сказала девушка и зевнула.

- Да... на одни эти деньги можно своё заведение открыть... да ежели ещё с конки
сорвать... Поедем в Симбирск, а то в Самару... и там откроем... Первый дом в
городе будет... девок наберём самых лучших... По пяти рублей за вход брать
будем.

- Говори! - усмехнулась Аксинья.

- Чего там? Так и будет...

- Как же!..

- Так, говорю, и будет... Ежели ты хочешь - обвенчаемся.

- Чего-о?! - восхлинула Аксинья, глупо хлопая глазами.

- Обвенчаемся, - с каким-то беспокойством повторил Васька.

- Мы с тобой?

- Ну да...

Аксинья громко засмеялась. Качаясь на стуле, она взялась за бока и то смеялась
густо, басовыми нотами, то взвизгивала, что было совершенно неестественно для
ней.

- Чего ты? - спросил Васька, и опять что-то голодное явилось в его глазах. А она
всё хотела. - Чего ты? - спрашивал он её.

Наконец, кое-как сквозь смех и визг, она высказалась:

- Насчёт венчанья... Разве это можно? Да я и в церкви-то три года не была...
Чудак! Ишь, нашёл жену! Детей не ждёшь ли от меня?

Мысль о детях вызвала у неё новый взрыв искреннего хота. Васька смотрел на неё
и молчал...

- Да и разве я поеду с тобой куда-нибудь? Ишь ты... тоже. Ты завезёшь меня да и убьёшь где-нибудь... Ведь ты мучитель известный.

- Ну, молчи уж! - тихо сказал Васька.

Но она стала говорить ему о его жестокости, вспоминая разные случаи.

- Молчи! - просил он её, а когда она не послушалась, он хрипло крикнул: - Молчи, говорю!

В этот вечер они не говорили больше. Ночью у Васьки был бред; из широкой груди его вырывался хрип, вой. Васька скрежетал зубами и размахивал в воздухе правой рукой, иногда ударяя ею себя в грудь.

Аксинья проснулась, встала на ноги у постели и долго со страхом смотрела в его лицо. Потом разбудила его.

- Что ты это? Домовой тебя душил, что ли?

- Так, привиделось!.. - слабо сказал Васька. - Дай-ка водицы.

Выпив воды, он помотал головою и объявил:

- Нет, не открою я заведения... лучше торговлей займусь... А заведения не надо...

- Торговля... - задумчиво сказала Аксинья.. - Н-да... лавочку открыть это хорошо.

- Пойдёшь со мной, что ли? - убедительно и тихо спросил Васька.

- Да ты никак всурьёз спрашиваешь? - воскликнула Аксинья, отодвигаясь от кровати.

- Аксинья Семёновна! - звенящим голосом сказал Васька, приподняв голову с подушки. - Вот тебе...

И замолчал, взмахнув рукой в воздухе.

- Никуда я с тобой не пойду... - решительно мотая головой, заговорила Аксинья, не дождавшись от него слов. - Никуда!

- Захочу - пойдёшь... - тихо сказал Васька.

- Ни-никуда не пойду!

- Только - не хочу я так... А ежели захотел бы - пойдёшь!..

- Нет уж...

- Да, чёрт! - раздражённо крикнул Васька. - Ведь вот ты со мной канителишься... шевыряешься тут... чего же?

- Это другое дело... - резонно сказала Аксинья. - А чтобы с тобой жить - нет! боюсь я тебя... очень уж ты злодей!

- Эхма! Что ты понимаешь?! - зло воскликнул Васька. - Злодей! Дура ты... Думаешь - злодей, так и всё тут? Думаешь - легко, если злодей?

Голос у него оборвался, и Васька помолчал немного, растирая грудь здоровой рукой. Потом тихо, с тоской в голосе и страхом в глазах, снова заговорил:

- Что уж вы... очень? Ну, злодей... так разве весь человек в этом? Чего у меня спрашивали?.. Пойдём, Аксинья Семёновна!

- И не говори про это! Не пойду... - упорно стояла на своём Аксинья и подозрительно отодвигалась от него.

Опять оборвался их разговор. В комнату смотрела луна, и от её света Васькино лицо казалось серым. Он долго лежал молча, то открывая, то закрывая глаза. Внизу - танцевали, пели, хохотали.

Раздался сочный храп Аксиньи; Васька глубоко вздохнул.

Прошло ещё дня два, и хозяйка устроила Ваське место в больнице.

Приехал за ним больничный фургон с фельдшером и служащим. Ваську осторожно свели сверху в кухню, и там он увидел всех девиц, столпившихся у двери в комнату.

Лицо его перекосилось, однако он ничего не сказал им. Они смотрели на него сурово и серьёзно, но по их глазам нельзя было определить, что они думают при виде Васьки. Аксинья с хозяйкой надевали на него пальто, и все в кухне тяжело и хмуро молчали.

- Прощайте! - вдруг сказал Васька, наклонив голову и не глядя на девиц. - Про... прощайте!

Некоторые из них молча поклонились ему, но он не видел этого; а Лиза спокойно сказала:

- Прощай, Василий Мироныч...

- Прощайте... да...

Фельдшер и больничный служитель взяли его подмышки и, подняв с лавки, повели к двери. Но он опять повернулся к девицам:

- Прощайте... был я... точно что...

Ещё два или три голоса сказали ему:

- Прощай, Василий...

- Ничего не поделаешь! - тряхнул он головой, и на лице его явилось что-то удивительно не подходившее к нему. - Прощайте! Христа ради... которые... которым...

- Увозят! Увезут его, маво милого... - вдруг дико завыла Аксинья, грохнувшись на лавку.

Васька дрогнул и поднял голову кверху. Глаза у него страшно заблестели; он стоял, внимательно вслушиваясь в этот вой, и дрожащими губами тихо говорил:

- Вот... дура! Вот так ду-ура!

- Идите, идите! - торопился фельдшер, хмуря брови.

- Прощай, Аксинья! Приходи в больницу-то... - громко сказал Васька.

А Аксинья всё выла...

- И на-кого и-ты-это-меня по-оки-инул?..

Девицы окружили её и смотрели на её лицо и на слёзы, лившиеся из глаз её.

А Лиза, наклоняясь над ней, сурово утешала её:

- Ну, чего ты, Ксюшка, ревёшь-то! Ведь не умер он... Ну, пойдёшь к нему... ну, вот завтра и пойди!.. 1899 г.

ПРИМЕЧАНИЕ

Впервые напечатано в собрании сочинений в издании т-ва "Знание", 1900, том III.

Рассказ был написан в начале 1899 г. и направлен в журнал "Жизнь". Но печатание рассказа в журнале было запрещено цензурой. В 1899 г. А.М.Горький предполагал

Васька Красный. Максим Горький gorkiymaxim.ru
включить рассказ в III том "Очерков и рассказов". "Я, разумеется, ничего не могу
иметь против включения "Васьки" в сборник, буде это возможно", - писал он к
издателю С.Дороватовскому (Архив А.М.Горького). Однако в сборник рассказ не
вшел.

Включалось во все собрания сочинений.

Печатается по тексту, подготовленному М.Горьким для собрания сочинений в издании
"Книга".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!